С.Ю. Штейн

МАТРИЦА ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

методологический трактат

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

С.Ю. Штейн

МАТРИЦА ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Методологический трактат

Москва
2020

УДК 001+009+16
ББК 71.0+72.4+72.5+85+87.2
Ш 88

Рецензенты

Н.А. Хренов
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Государственного института искусствознания

В.И. Кондаков
доктор философских наук, профессор,
академик РАЕН, Российский государственный гуманитарный университет

Штейн С.Ю.
Ш 88 Матрица гуманитарной науки. М.: РГГУ, 2020. 192 с.

ISBN 978-5-7281-2898-4

Настоящая работа является последовательным изложением методологических основ и логики формирования человеком представления в отношении данности, при определённых ситуациях институализирующегося в качестве знания, ответственность за которое берутся нести локальные дисциплинарные сообщества, чья совокупность образует социальный институт, определяемый как наука. При этом – в связи с тем, что естественнонаучное знание является продуктом познавательной деятельности человека – оно рассматривается как специфический компонент гуманитарной науки. Сделанное построение и описание методов, при этом задействованных, образуют специфическое логико-методологическое средство, с использованием которого можно решать самый широкий круг разномасштабных вопросов, связанных с индивидуальной и коллективной познавательной активностью – от личностной самоидентификации и проблематизации имеющихся представлений до качественной перестройки предметно-дисциплинарного знания и формирования целостного наддисциплинарного знания в отношении всей данности.

УДК 001+009+16
ББК 71.0+72.4+72.5+85+87.2

© Штейн С.Ю., 2020
© Российский государственный гуманитарный университет, 2020

ISBN 978-5-7281-2898-4

Введение

1

Формосодержательная целостность данной работы обусловлена исключительно теми обстоятельствами, в которых я нахожусь, и которые, будучи связаны с моим индивидуальным опытом, в некоторой степени уникальны. Даже я сам, если бы писал эту работу ранее, написал бы её тогда по-другому. Каждый новый день трансформирует изначально задуманное – опыт довлеет над знанием. Однако при этом опыт – вовсе не всегда есть привнесение нового знания, а в моём случае, скорее, связан с рассуждением о смысле и целесообразности того или иного знания, которым я обладаю, его характере – приобретающем или теряющем со временем свою значимость. Но в то же время – и о форме его выражения. Слишком много написано, и тем более – слишком много плохо написанного, чтобы писать что-то ещё, не имея в виду возможность приведения имеющегося хаоса к определённому порядку. И однако всё то, что на сегодняшний день я могу сделать – всего лишь только предпринять робкую попытку приближения к чаемому совершенству. К простоте, которая только возможна при искомом порядке и всеобъемлющем масштабе того, о чём идёт речь.

2

Несмотря на то что в какой-то момент в середине двадцатого века в науке произошёл крен в сторону междисциплинарных исследований, а уже во второй половине минувшего века – начале века двадцать первого возникли и распространились идеи мульти- и трансдисциплинарности, на настоящий момент дисциплинарная структура остаётся актуальной формой существования и функционирования науки. Причём это касается как естественной, так и гуманитарной науки.

Если остановиться только на гуманитарном знании, то можно заключить, что перед современными учёными, реализующими свою исследовательскую активность в условиях дисциплинарной структуры науки, возникли принципиально новые проблемы, связанные в том числе, во-первых, с изменением масштаба исследуемого – его детализацией, во-вторых, с возникновением принципиально нового, не существовавшего ранее материала для исследования, в-третьих, с частичным смешением предметных областей, соответствующих различным дисциплинарным предметностям, в-четвёртых, с такой трансформацией методологического инструментария, традиционно свойственного каждой из дисциплин, при которой возникла ситуация возможности получения принципиально иного знания в отношении того, что уже имеет своё устоявшееся знаниевое замещение в условиях каждой конкретной дисциплинарной предметности, и, наконец, в-пятых, с критикой самой возможности существования дисциплинарного знания, которое было бы независимо от социокультурных обстоятельств и всевозможных конъюнктурных запросов.

Эффективное функционирование любой из дисциплин подразумевает преодоление описанных и любых иных проблем, которые могут повлиять как на позиционирование каждой из них в общей структуре науки, так и на характер того знания, которое продуцируется в их условиях. В то же время – это ни в коем случае не какая-то отстранённая и не сугубо науковедческая проблематика, а та реальность, на которой основывается существование любой научной дисциплины, – то, что фиксирует её в данном качестве, отделяя от иных, принципиально отличных – дискурсивных познавательных ситуаций.

3

Совершенно очевидно, что простое высказывание о том или ином аспекте жизнедеятельности человека ещё не является фактом возникновения гуманитарного знания. Однако в ситуации кажущейся доступности человека как чего-то такого, в отношении чего даже без специальной подготовки можно вести разговор, он оказывается в фокусе внимания

как институциональных исследователей, находящихся в условиях самых разных дисциплинарных предметностей – философии, культурологии, социологии, психологии, физиологии, так и вообще кого угодно – политиков, журналистов, спортсменов... А та лёгкость, с которой любое высказывание делается публичным фактом, что обусловлено спецификой современных средств распространения информации, позволяет практически любому не просто транслировать своё частное или коллективное представление о человеке, но и агрессивно настаивать на нём. При этом разобраться в правоте или заблуждении одного или другого можно лишь в том случае, если либо наличествует какой-то однозначный критерий для такой оценки, либо такую оценку готово выносить авторитетное сообщество, берущее на себя социальную ответственность как за её качество, так и за исходную непредвзятость при формировании данной оценки. Казалось бы, что в отсутствии в гуманитарной науке такого однозначного критерия экспертная роль лежит исключительно на тех, кто профессионально занимается изучением жизнедеятельности человека, вернее отдельных её аспектов – на философах, культурологах искусствоведах, получивших специальное образование и активно включённых в актуальные процессы, происходящие внутри их дисциплин – реализующих в их условиях научно-исследовательскую, образовательную и организационную деятельность. Но парадокс заключается в том, что для того, чтобы дисциплинарное сообщество могло полноценно существовать (под «полноценностью» здесь понимается не только готовность, но и возможность несения социальной ответственности за то знание, которое продуцируется в её условиях в отношении соответствующей дисциплине предметной области), оно само должно быть основано на не менее строгих и однозначных критериях – собственно этими критериями и задаётся конкретная уникальная дисциплинарная идентичность. Однако в гуманитарных дисциплинах такие критерии по целому ряду причин до сих пор находятся в зачаточном состоянии, что позволяет не только применять к гуманитарным исследованиям известную «формулу» – «гуманитарная наука невозможна, но возможно только гуманитарное знание», но и возводить её в превосходную степень, таким образом, априори отказывая гуманитарному знанию в научности.

В связи с этим важным и принципиальным является проведение чёткой демаркации между дискурсивным и дисциплинарным (научным) знанием в отношении жизнедеятельности человека, которая оказывается возможной с использованием специфического методологического инструментария. Понимание такого разделения, равно как и понимание тех познавательных установок, которые лежат в его основе – фундаментальное условие осознанности исследовательской работы в условиях любой гуманитарной дисциплины.

И в то же время лично меня интересует не столько содержание гуманитарной науки – её конкретное наполнение, выражением чего и является частное дисциплинарное знание отдельных гуманитарных дисциплин, а сам принцип, на основе которого она может быть построена. В идеале – унифицированный принцип, который может быть применён к любому материалу.

4

Человек – заложник своего уникального опыта и полученного вместе с ним знания – пережитого. Но только до того момента, когда он останавливается и всё бывшее с ним подвергает критике и проблематизации. После этого то, как он воспринимает окружающую его данность в целом и отдельные её части, – его собственный осознанный выбор. Который может меняться или же оставаться неизменным, что и выражает свободную волю данного человека. А на вопрос, насколько человек, критикуя и проблематизируя, может абстрагироваться от имеющихся у него опыта и знания, есть только один ответ – это предельная данность познавательной самостоятельности человека. И чрезвычайно важно, чтобы эта данность каждым конкретным человеком была реализована! В противном случае человек оказывается не только пожизненным заложником неосознанно воспринятых представлений, но и в определённых ситуациях – их невольным охранителем, транслятором и даже пропагандистом.

В гуманитарной науке такая зависимость и несвобода человека выражается как минимум в двух непродуктивных моментах. Во-первых, в том, что в отсутствии единого непротиворечивого на актуальный момент знания в отношении познаваемого, что характеризует гуманитарное знание, человек, находящийся вне активной самостоятельной позиции, формируемой

вследствие описанной критики и проблематизации, вынуждается по тем или иным причинам (например, исторические или социокультурные обстоятельства) к неосознанному или к ограниченно осознанному принятию одной из множества точек зрения, которая становится для него частью безусловной данности. Во-вторых, в том, что при реализации самостоятельной познавательной деятельности человек вынужден строить собственное знание на основе и в контексте знания имеющегося – принятого (используя его в качестве основы) и отвергнутого (дистанцируясь от него), что, в свою очередь, приводит к необходимости постоянного позиционирования и координирования своего фрагментарного к чужому фрагментарному, своего субъективного к чужому субъективному, своих языковых средств к чужим языковым средствам.

Но это не данность гуманитарной науки! Это данность такого отношения к ней. А также отсутствие опыта абстрагирования от этого и использования таких познавательных установок, в условиях которых всё неудовлетворяющее преодолевалось бы. Настоящая работа и является описанием такого опыта.

5

Поставленная цель – методологическое описание матрицы гуманитарной науки, вынуждает меня порой описывать банальные и общеизвестные вещи, выстраивая их в стройную логическую систему, в которой бы по возможности отсутствовала какая-либо дискурсивность – споры, экивоки, контекстуальность и ситуативность. Всё необходимое знание, достаточное для понимания познаваемого, принципиально содержится в самом этом тексте. Поэтому здесь не будет привычной задорной гуманитарной игры с тем, что думал Платон, говорил Гегель, писал Кант, представлял Хайдеггер, выстраивал Витгенштейн или воображал Фердыщенко. Но только «параллели» и «горизонтали» системы координат, образующие методологические основы гуманитарной науки.

Правда, вначале может показаться, что я поднимаю заново всё те же неразрешимые, но, несмотря на это, постоянно решаемые вопросы языка и мышления. Однако это не так! Центральная проблема, на которой я фокусируюсь, – внутренняя свобода человека. Она оказывается возможной исключительно в ситуации формирования особого отношения к языку и мышлению, заложником которых является человек. Не понимание языка и мышления (судя по всему они так никогда и не будут до конца познаны), но, повторюсь, *особое отношение к языку и мышлению*, а также к тому, с чем они неразрывно связаны – *деятельности*, – это даёт возможность формировать ту матрицу, которая переносит человека в ситуацию предельной внутренней свободы – такого состояния, когда он уже сам, осознано и добровольно, независимо от вменённых опытом иллюзий способен выбрать ту несвободу, которой затем и станет жить, тем самым превращая свой выбор в наивысшую свободу, которая только доступна человеку.

Оглавление

Введение 5

Глава I. Методологическая онтогносеология 8
1.1. Онтология человека 9
1.1.1. Данность 10
1.1.2. Масштабирование данности 13
1.1.3. Сенсорная система человека 15
1.1.4. Психика, память, сознание 16
1.1.5. Мышление и логика 22
1.1.6. Объектное выражение мыслеобраза (переработанной информации) 24
1.1.7. Субстанциональные процессы деятельностной активности человека и средство их выражения 31
1.1.8. Производный субстанциональный процесс деятельностной активности человека 35
1.1.9. Филогенез феномена автоматической фиксации 41
1.1.10. Экранная форма 45
1.1.11. Факт 49
1.1.12. Онтологическая схема знания 49
1.2. «Измерения» человека 53
1.2.1. Внутреннее «измерение» 57
1.2.2. Природное «измерение» 59
1.2.3. Культурное «измерение» 65
1.2.4. Информационно-опосредованное «измерение» 79
1.2.5. Трансцендентное «измерение» 86
1.2.6. Социальное «измерение» 87
1.2.7. Деятельностное «измерение» 92

Глава II. Ситуативная структура науки 105
2.1. Ситуативность познавательной деятельности 106
2.1.1. Объект и предмет 106
2.1.2. Познавательные ситуации 116
2.1.3. Методическое представление познавательной деятельности 129
2.2. Дисциплинарность в гуманитарной науке 142
2.2.1. Дисциплинарная идентичность гуманитарных дисциплин 145
2.2.2. Шаблон материала онтологической схемы предметной области гуманитарной дисциплины 150
2.2.3. Генезис гуманитарной дисциплины 156
2.2.4. Субдисциплинарность 161
2.2.5. Междисциплинарность 163

Глава III. «Матричная» методология 167
3.1. Деятельностные стратегии 168
3.1.1. Рефлексивно-методологическая работа 168
3.1.2. Перманентная рефлексивно-методологическая работа 171
3.1.3. Специальная рефлексивно-методологическая работа 173
3.2. Методологические инструменты деятельностных стратегий 174
3.2.1. Методологическая деаккумуляция знаний 175
3.2.2. Константный метод 176
3.2.3. Метод распредмечивания 182
3.2.4. Метод онтологизации 184

Заключение 187

Индекс ключевых слов и терминов 188

Научное издание

Сергей Юрьевич Штейн

МАТРИЦА
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Методологический
трактат

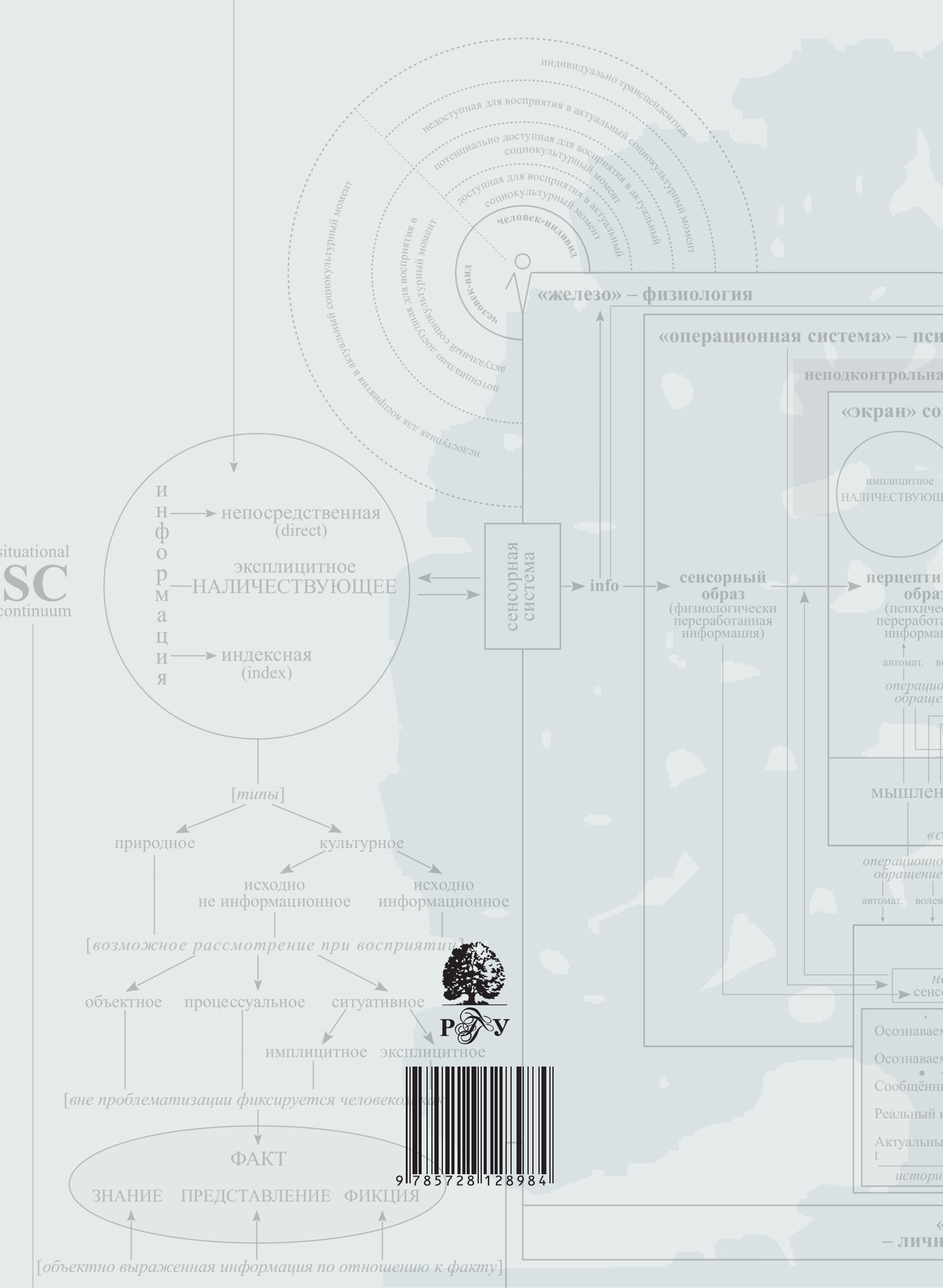
Дизайн обложки
С. Штейн

Компьютерная верстка
Е. Бугачевский

Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом РГГУ

Подписано в печать 30.09.2020.
Формат 60 × 90 1/8.
Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 14,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 964

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-06


индивидуально трансцендентная
недоступная для восприятия в актуальный социокультурный момент
потенциально доступная для восприятия в актуальный социокультурный момент
доступная для восприятия в актуальный социокультурный момент
человек-индивид
человек-вид
потенциально доступная для восприятия в актуальный социокультурный момент
недоступная для восприятия в актуальный социокультурный момент
«железо» – физиология
«операционная система» – пси
неподконтрольна
«экран» со
имплицитное
НАЛИЧЕСТВУЮЩ
информация
непосредственная
(direct)
эксплицитное
НАЛИЧЕСТВУЮЩЕЕ
индексная
(index)
сенсорная система
info
сенсорный образ
(физиологически переработанная информация)
перцепти
образ
(психиче
переработа
информ
автомат.
операцио
обраще
мышлен
«с
операционно
обращение
автомат.
волев
situational
SC
continuum
[типы]
природное
культурное
исходно не информационное
исходно информационное
[возможное рассмотрение при восприятии]
объектное
процессуальное
ситуативное
имплицитное
эксплицитное
[вне проблематизации фиксируется человеком]
ФАКТ
ЗНАНИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
ФИКЦИЯ
[объектно выраженная информация по отношению к факту]
Осознаваем
Осознаваем
Сообщённ
Реальный
Актуальны
t
истори
– личн
РГУ
9 785728 128984